

— В предисловиях к вашим книгам, в частности к тем, которые издавались в нашей стране, имя Уильяма Сарояна не раз ставили рядом с Хемингуэем, Фолкнером, Стенденом. Как вы себя, так сказать, чувствуете в такой могучей компании?

— Очень любимый мною Марк Твен говорил: «Если вы не хотите загородить свою память, говорите правду». А я правда таков; мне лестно находиться в такой компании. Но, с другой стороны, мне непонятен смысл перечня. Любой список — это что-то вроде спортивной информации. А литература не есть соревнование по легкой атлетике. Одну творческую индивидуальность нельзя сравнить с другой. Я вообще стараюсь не попадать ни в какие списки, сколь бы «лестными» они ни были.

— Вам недавно исполнилось 70 лет. Вы приехали к нам после своего юбилея и в разгар большого праздника — 150-летия со дня рождения Арсена в составе России. Были гостем на торжественном вечере, посвященном этой знаменательной дате. Не могли бы вы рассказать о своих впечатлениях?

— Подобные мероприятия для меня непривычны. Но те-

«Я испытываю величайшую гордость оттого, что меня перевели на русский язык... Прозаики всего мира всегда с благоговением думают о том, что написанное ими переведут на русский».

Так заявляет Уильям Сароян в предисловии к сборнику своих рассказов на русском языке «Мне зовут Арам», который готовится к печати в

армянском республиканском издательстве «Советская Армения». Под предисловием помечено: «Ереван, 6 ноября 1978 года». Большой американский писатель провел три недели в нашей стране около сорока дней, побывал в Москве, Риге, Одессе, много ездил по Армении, а на прощание дал интервью, которое публикуется в книге.

Кроме интервью, мы предла-

гаем вниманию читателей главы из новой книги Сарояна «Случайные встречи». Книга эта посвящена нашим современникам — писателям и поэтам Советской Армении. Она представляет собой своеобразные записи сорока дневников (судя по всему, они и делались в разные годы); Сароян вспоминает о сотнях и тысячах тех, с кем он, порою мимолетно, сталкивал-

ся на жизненном пути, рисует их микропортреты и размышляет о людях и о себе, о жизни и творчестве.

Каждая случайная, непреднамеренная встреча, учит нас Сарояна, оставляет след в душе, отзы whole в ней, как музыкальная фраза. Перебирая воспоминания, переходя от встречи к встрече, от фразы к фразе, писатель складывает из них мелодию, которую можно смело назвать главной во всем его творчестве — мелодию всеобщающей любви в человеке, любви к нему. В новой книге эта мелодия звучит истинно по-сарояновски — взволнованно, проникновенно и теплово.

Или если ты не хочешь писать об этом веселом джентльмене, тогда почему бы не написать о Беннете Серфе — ведь он был издателем своей первой книги «Сказки два-три теплых слова о человечке, который без устали переезжал с места на место — из дома в дом, на протяжении всей своей жизни, и притом сколотил капитал в миллионы в восьми чистыми. Часть этих денег он заработал сборниками шуток, которые печатали другие издатели. И каждая книга становилась бестселлером, принося солидный доход как издателю, так и самому собирателю. Собственно, это было подлинным призванием Беннета — собирая шутки да еще придумывать каламбуры.

Однажды, в 1935 году, то ли по пути в Европу, то ли по возращении из первой для меня европейской поездки, мы с ним бордели по Нью-Йорку, и он буквально засыпал меня каламбарами. В конце концов я не выдержал:

— Пожалуйста, неужели никто из ваших друзей не грозил, что прикончит вас, еда вы произнесете еще хоть один каламбур?

— Еще как грозили — и друзья, и враги.

Правда, свой ответ он вновь облеч в форму каламбура, которого я, к счастью, не запомнил.

Так почему бы не написать о Беннете Серфе?

Не хочу, и все тут.

Ладно, тогда напиши о ком-нибудь, кто не стал знаменитостью, кто не сумел сколотить восемь миллионов.

Ну что ж, пожалуй, я впрямь напишу о парне, который стоял у входа в пустой магазин на Маркет-стрит в Сан-Франциско и продавал книгу о тайнах мироздания.

У него был такою подвижный рот, каких я никогда в жизни не видел: рот двигался без устали, притом с такой интенсивностью, что каждое слово не просто произносилось, а исполнялось, прорабатывалось каждым мускулом лица. Мой брат Генри, прослушавший вместе со мной всю четырехминутную речь-песнь, предложил:

ИЗ МИЛЛИОНА ЛИЦ

Как же мне было не ненавидеть его?

Но с течением времени я позволил ненависти остынуть. У Дэвиса было единственное детище, инициатором теряя четырех, а то и пятерых, что-нибудь в таком духе. Он был всего лишь представителем распространенной гордыни здоровенных глупцов, и у меня не осталось теперь ни малейшего желания ненавидеть Д. Д. Дэвиса, почившего многие годы назад в возрасте сорока восьми лет. Его сыновья и дочери сами стали сегодня отцами и матерями, бабушками и дедушками, а то и прабабушками и прадедушками бесчисленного множества мальчишек и девочек.

Так пусть его покоится с миром, просто этому человеку не следовало даже ступить на порог школы, любой школы вообще.

Что за потеря была, когда на глазах целого класса — учителей неожиданные директрисские визиты всегда заставляли врасплох — он забылся лишь о том, чтобы мы не заметили ненароком полоску нижнего белья под брюками: сиделся и тут же вскакивал, трясся в штанах в какое-то сверх自然而ное дело, — может статься, в шпионаж или в операции секретной службы, — и на голове у него красовался черный котелок.

Я давно выработал в себе способность определять изданья, и в толпе встречающих тех, кто встречает меня, и сразу приметил этого человека, скимающего в руке клочок бумаги. Принимаю, до той минуты я вообще не ведал, что меня будет встречать на вокзале, хотя в Саутгемптоне некто из бирющихся согнал нас, шестерых или семерых, одни купе лондонского поезда, в автобус, который доставил нас в безымянную мальчишескую гостиницу, где ночлег вместе с завтраком обошелся в полтора доллара.

Таких ух были дни, как приятно говорить: И я, как в анекдоте, тут же почувствовал себя богачом, милиционером.

А теперь, на парижском вокзале, объявился этот человечек, выматривающий кого-то.

Я без колебаний направился к нему, и он спросил:

— Сароян?

Фамилию он произнес на европейский манер, то есть именно так: «Ка-ре-он» и следует произнести.

Потом он заявил:

— Добро пожаловать в Париж. Вас ждет превосходная комната в отеле «Атлантик» на улице Лондр. Не возражаете, если мы пройдемся пешком?

У меня был всего один чемодан, который он счел своим долгом подхватить, и мы, выйдя на улицу, двинулись в отель. И мне даже в голову не пришло, что наша пешая прогулка сулит ему небольшой барыш, — наверное, в пределах полдоллара, — ведь ему были выделены деньги на такси.

Человечек привел меня в отель. Комната мне понравилась, и он уведомил меня, что мой поезд на Вену отправляется завтра утром, в самый удобный час, а в Вену меня снова встретят и доведут в отель.

— Я приду завтра утром, за час до отъезда, — сказал он и поклонился, приподняв котелок.

И я подумал: «До чего же здорово быть знаменитым! Просто как в кино. Вот я путешествую по свету, и меня повсеместно принимают с почестями, люди улыбаются мне, глядят в фотографию на моем паспорте, а потом мне в лицо и старательно вносят мое имя в регистрационные книги, понимая, отдавая себе отчет, что это не просто имя, а имя известное, принадлежащее гражданину вселенной, человеку искусства, писателю, наблюдателю, мыслителю, одному из бессмертных. Мне».

Я поддразнивал себя — полуслух. Я ощущал одновременно любование и почти полное изнеможение: меня давно терзали склонности бурно реагировать на всех и на все, с кем я счел бы настолько интересным. В тот миг на меня нахлынули разом долгие дни океанской качки, часы прогулок по Лондону, толпы людей на пароме через Ла-Манш, в поезде, на вокзалах, на парижских улицах — все эти люди, все эти сцены нахлынули на меня с неодолимой, сокрушительной силой, какой я до того не замечал никогда, хотя что-то подобное, пусть в меньших масштабах, случалось со мной и раньше.

Мне не раз доводилось видеть людей, которые, кто больше, кто меньше, напоминали человека в черном котелке, встречающего меня на вокзале Сен-Лазар, и я неизменно считал их своими друзьями, хоть каждый из них по натуре чуть-чуть мозговщиком.

Переведено с английского А. ИВАНОВА и К. СЕНИН

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

«ВСЕГДА ПОДНИМАТЬСЯ В ГОРУ»

Первый я скажу, что был бы обрадован в своей жизни, если бы не увидел все то, что увидел собственными глазами. О впечатлениях нельзят рассказывать. О них, скорее, нужно... молчать. Или писать. Причем писать для себя. Что я и сделал. Но ух коль заговорили, не скрою — я был поражен. Я просидел в зале все пять или шесть часов, и время это для меня прошло, как миг, как единовременение... Министр обороны могущественной страны, Маршал Советского Союза Дмитрий Устинов с трибуны говорит о успехах Армянской республики, зачитывает Указ, подписанный самим Леонидом Брежневым, прикрепляет к Знамени республики высшую награду страны — орден Ленина. Это надо было увидеть, надо было прочувствовать и осознать... Я подумал об армянах, живущих на чужбине. Они лишились самого прекрасного человеческого чувства — чувства пристрастия к родине. К родине, где жили твои предки тысячи лет. Я думал об обездоленных братьях и сестрах, разбросанных по свету...

— Как я понял, вы записали свои впечатления для себя. Но ведь профессиональные писатели, например, пишут в основном для других...

— Вообще я думаю, что не только профессиональный писатель, но и каждый, кто называется, простой смертный должен писать. Особенно после семидесяти. Пишуций лишь тогда вызывает жалость, когда он хочет всеми правдами и неправдами напечататься.

— Для чего же писать, если читать некому будет?

— Почему некому? Прочтут родные. Ведь человек, взявшись перво в руки, сосредоточивается и хочет изложить на бумаге наиболее важное. А из всего того, что наиболее важно для одного, могут быть мысли, важные и для других. И пусть сын или внук обогащается этими мыслями. Я часто перечитываю Гоголя.

Могу сказать, что я, как читатель, благодарен советским издателям. С многими произведениями советских писателей меня знакомят специальный журнал «Советская литература» на английском языке, который редактирует мой друг Савва Данегов. Особенно любопытны номера, посвященные союзным республикам. Я очень люблю свою страну — Америку мне многим мила.

У вас чуть ли не все прекрасно знают западную литературу. В том числе — современную. У вас щедро переводят.

Могу сказать, что я, как читатель, благодарен советским издателям. С многими произведениями советских писателей меня знакомят специальный журнал «Советская литература» на английском языке, который редактирует мой друг Савва Данегов. Особенно любопытны номера, посвященные союзным республикам.

Я очень люблю свою страну — Америку мне многим мила.

Рисунок В. ИВАНОВА